

УДК 81'27, 81'42 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-53-62

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЯХ

Жиганова Анна Владимировна

доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации

Нижегородского государственного лингвистического университета

им. Н.А. Добролюбова

ул. Минина 31а, Нижний Новгород, 603155

ann-zhil@yandex.ru

Согласно современным социолингвистическим исследованиям, язык представляет собой набор ресурсов, сознательный выбор которых служит для выражения социального значения, в том числе трансляции ценностных установок и предпочтений. На современном этапе новостной дискурс является одной из самых динамичных дискурсивных практик, отражающих особенности использования языка как средства идеологического воздействия. Цель исследования состоит в выявлении специфики языковой репрезентации актуальных событий на примере англоязычных новостных сообщений, освещающих взаимоотношения России и США. Методологическую основу работы составило положение о дискурсе как форме социального действия, а также представление о языке как средстве конструирования социального мира. Проведенный анализ, опирающийся на методы лингвистической интерпретации, демонстрирует изменение формально-содержательной структуры информационных сообщений. Предположительная модальность, отсутствие уточняющих средств, обилие общих фраз являются отличительными чертами современных «новостных историй». Интенциональная специфика новостных сообщений проявляется в особенностях их синтаксического, морфологического и стилистического оформления, которые позволяют выделять или, наоборот, затенять определенную информацию. В частности, средства эксплицитной и имплицитной оценки, использование страдательного залога, различных типов вводно-модальных конструкций реализуют приемы эмоционализации сообщения, а также служат для построения убеждающего дискурса и транслируют идеологическую позицию автора.

Ключевые слова: социолингвистика, новостной дискурс, английский язык

Введение

Смена глобальной лингвистической парадигмы, отход от структурного изучения языка в пользу коммуникативно-прагматического подхода вызывает необходимость описания лингвистических явлений в функционально-ориентированном ключе, к которому относится концепция языка как набора ресурсов и практик [Blommaert 2007, 2010; Heller 2007; Pennycook 2007, 2010], а также понимание дискурса как формы социального действия [Fairclough 2006]. С этой позиции языковые явления рассматриваются не как отражение стандартных социолингвистических категорий, а как социально обусловленные ресурсы, которые используются и интерпретируются индивидами в определенном историческом и ситуативном контексте [Zotzmann & O'Regan 2016]. При этом язык является не только ретранслятором, но и субъектом про-

исходящих социокультурных трансформаций, поскольку социальная реальность создается при непосредственном участии языка [Silverstein 1979: 194].

Таким образом, меняется восприятие языка, он *рассматривается как грань социальной жизни, которая тесно связана с другими ее аспектами и является важной составляющей всех главных тем социального научного исследования* [Fairclough 2006]. Признается значительная роль языка в вопросах социального взаимодействия, а также организации и трансформации социальных явлений: «Язык позволяет увидеть лингвистическую реальность и сделать о ней обоснованные выводы» [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012: 30]. Соответственно, анализ социально обусловленного использования лингвистических ресурсов в коммуникативном действии позволяет получить представление о современной социолингвистической реальности [Androusoopoulos 2014: 6].

Перестроение социальной жизни во всех ее экономических, политических, культурных, технологических, экологических и индивидуальных измерениях сопровождается изменениями в практиках использования языка [Kumaravadivelu 2008: 32]. Происходит усиление и ускорение интенсивности влияния на язык социальных факторов [Кирилина 2013: 43]. Наблюдается перестроение информационного и коммуникативного пространства, к характеристикам которого можно отнести «увеличение плотности информационных потоков, возрастание их скорости, развитие конвергентных технологических форм» [Кузнецова 2010: 4].

В частности, данные изменения затрагивают новостной дискурс, занимающий особое место в информационном поле в силу своей высокой социальной значимости: «Обладая всеми признаками базового текста, новости фактически формируют содержание и структуру современного информационного пространства» [Добросклонская 2008: 5]. Новостные сообщения представляют собой репрезентацию мира в языке и отражают процессы лингвистических инноваций, где язык выступает не как нейтральный, а как в высшей степени активный формирующий механизм – своего рода конструирующий медиум [Fowler 1991]. При этом не только то, что изложено в сообщении, но и форма, и стиль преподнесения той или иной новости, то есть лингвистическая составляющая формулирования идей в прессе, становится ключевой и должна находиться в фокусе исследования.

Постановка проблемы

На современном этапе вопросы, связанные с лингвистической репрезентацией событий в новостях, ее риторической и манипулятивной составляющей, приобретают всё большую актуальность, в связи с широким использованием новостных сообщений в информационном противостоянии различных политических сил – как на международной арене, так и во внутривнутриполитическом пространстве США и других стран. В речевой обиход активно входят такие выражения, как “hoax news” (газетная утка), “alternative facts” (альтернативные факты), “false news” (фальшивые новости), “half truth” (полуправда), “partial truth” (частичная правда), “misinformation” (ложная информация) и другие. Знаменательно, что лексема “post-truth” (постправда), понимаемая как «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее важными при формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям», стала главным словом 2016 года, по версии составителей оксфордско-

го словаря.¹ Тенденция к превалированию чувственного, эмоционального компонента над фактологическим становится устойчивой характеристикой современных СМИ: «Система массовой коммуникации поставляет обществу мифологическую модель мира, выбирая приоритетами информационной политики не формы рационального дискурса, а культуру конкретно-чувственного восприятия» [Кузнецова 2006: 560]. Вместе с тем, в 2017 году выражение «ложные новости» (fake news) было признано главным словосочетанием, по мнению составителей словаря английского языка «Collins».² Отмечается, что частота использования этой фразы, которая понимается как ложная, сенсационная информация, распространяемая под видом новостей, возросла на 365 % по сравнению с 2016 годом. Также заимствование «фейк» считается одним из самых употребляемых слов 2017 года в русском языке.³ Кроме того, можно констатировать, что проблема качества новостных сообщений осложняется количественными показателями: непроверенные тексты воспроизводятся разными источниками и «значительная часть новостей посвящена самореференциальному освещению, в котором одни новостные медиа сообщают, как другие новостные медиа освещают политические события» [De Vreese 2005: 296].

Как справедливо замечает Данута Ри, за новостными сообщениями в медийном пространстве закрепился термин “news stories” (информационные сообщения, или новостные истории), что указывает на наличие элемента вымысла в их изложении и не является типичным для других типов дискурсивных практик, выполняющих информативную функцию. Так, например, не принято использовать слово «истории» применительно к лекциям или текстам из учебников (lecture stories, textbook stories). Слово «история», хотя и может в определенной степени относиться к изложению фактических событий, всё же содержит импликацию интерпретации, обработки информации и конструирования нарратива [Reah 1998: 5-8].

Безусловно, среди событий, регулярно освещаемых прессой в текущий период, находятся вопросы межнационального взаимодействия, в частности, чрезвычайно активно обсуждаются российско-американские отношения, которые на данный момент переживают стадию спада. На этом фоне отчетливо проступают антироссийские настроения американских медиа, их гипертрофированный интерес к ряду вопросов, например, к так называемой «российской киберугрозе». В этой связи представляется перспективным обращение к изучению особенностей использования языковых средств в новостных сообщениях печатных англоязычных СМИ, посвященных данной теме.

Отличительным свойством печатных средств массовой коммуникации является то, что основное воздействие на читателя достигается через текст и зрительные образы, поскольку информация транслируется по визуальному каналу, и «[я]зык, таким образом, является основной семиотической системой кодирования сообщения» [Лалетина 2007: 19-20]. Соответственно, данный тип дискурса отличается продуманностью, тщательным отбором языковых единиц, ориентацией на определенную целевую аудиторию. В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть, какие средства лингвистической репрезентации используются для описания актуальных политических новостей и какова специфика подачи информации о событиях, носящих не фактологический, а вероятностный характер.

¹ <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

² <https://www.collinsdictionary.com/woty>

³ <https://godliterary.ru/events/renovaciya-bitkoin-i-khayp>

Материал и методы

Материалом исследования послужили текстовые фрагменты, отобранные методом сплошной выборки из новостных сообщений следующих современных англоязычных периодических изданий, относящихся к 2017 году (с количеством номеров, данных в скобках): *Foreign Affairs* (7), *Mother Jones* (2), *The Economist* (7), *The New York Times* (6), *The New Yorker* (17). Данные газеты и журналы представляют собой значимые англоязычные издания с большим тиражом. Они содержат различные типы статей (информационную аналитику, комментарий, очерк), адресованы широкой аудитории и имеют глобальную ориентацию. Издания публикуются с разной периодичностью: ежедневно (*The New York Times*), еженедельно (*The Economist*, *The New Yorker*) и раз в два месяца (*Foreign Affairs*, *Mother Jones*). В анализируемых статьях события рассматриваются с разных точек зрения: с позиции международных отношений и внешней политики, экономики, а также в междисциплинарном ключе.

В работе над материалом применялись методы функционального, стилистического и дискурсивного анализа.

Методологическую и теоретическую основу исследования составила концепция языка и дискурса как формы социальной практики, а также положение о роли языка как средства конструирования социальной реальности (Н. Фейрклаф).

Результаты исследования

Анализ эмпирической базы выявил ряд особенностей лингвистического оформления новостных сообщений на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Так, прежде всего, следует отметить обилие негативно окрашенных единиц, противопоставляющих государства друг другу, которые подчеркивают глубокие различия между ними и оценивают российско-американские отношения как «нарушенные»:

*Relations between the United States and Russia are **broken**, and each side has a vastly **different** assessment of what went wrong (FA March-April: 12).*

*The **differences** between the United States and Russia **run deep**, and they are not amenable to easy solutions (FA March-April: 12).*

*For nearly two decades US-Russian relations have ranged between **strained** and **mis-erable**. [T]he general picture is **grim** (NY March 6: 44).*

*The **level of tension** has alarmed experienced hands on both sides (NY March 6: 4).*

Обилие лексики, относящейся к военной тематике (*enemy*, *war*, *confrontation*), усиливает ощущение противоборства между странами, достигшего стадии глубокого конфликта:

*Trump remained on the side of the **enemy** (MJ July-August: 5).*

*The D.N.C. hacks, many analysts believe, were just a skirmish in a larger **war** against Western institutions and alliances (NY March 6: 43).*

*This **confrontation** may lack the geopolitical and ideological scope of the past, but it still carries a high risk of **actual conflict** (FA March-April: 25).*

Словосочетание «российская угроза» весьма частотно и приобретает характер устойчивого: *“the **Russian threat(s)**” (FA September-October: 18, 112), “**Russian cyber threat**” (NY March 6: 51).*

Рост напряжения в двусторонних отношениях также передается посредством сравнения современной политической ситуации со временами холодной войны, что достигается за счёт включения терминов, относящихся к советскому периоду, в том

числе русизмов, как то: “*classic espionage*”, “*countless other techniques honed during the Cold War*”, “*Cold War 2.0*”, “*active measures*” – “*aktivniye meropriyatiya*”, “*dezinformatsiya*” (NY March 6: 42); “*to spread disinformation that could harm the US*” (NY March 6: 40); “*the second Cold War*” (NY March 6: 44); “*authoritarian conception*” (NY March 6: 46); “*resurgent authoritarianism in Russia*” (FA January-February: 9); “*a Cold War-style competition*” (NY March 6: 50); “*Cold War-style subversion*” (FA March-April: 14); [i]n recent years, Russia and the West have been heading toward something that looks a lot like a *second Cold War* (FA March-April: 25).

В сообщениях об отношениях между действующими президентами США и России, их контакты оцениваются как нежелательные и противозаконные. Активно обсуждается тема тайного сговора президента Дональда Трампа с Россией. Идея наличия связи действующего президента США с Россией реализуется, в частности, с помощью приема словосложения, представленного через дефисное написание соответствующих имен собственных: *the Trump-Russia controversy*, *the Trump-Russia scandal*, *the Trump-Russia imbroglio*, *Trump-Russia links*, *the Trump-Russia story*, *the Trump-Russia question*, *the Trump-Russia investigation*, *the Trump-Russia allegations* (MJ July-August 19, 19, 27, 60, 2, 23, 23-24, 24).

Акроним и интернет-сленгизм “*BFFS 4EV*” (best friends forever – лучшие друзья навсегда), а также смешение “*bromance*” (brother + romance – крепкая мужская дружба) коннотируют ироническую оценку тесного сотрудничества двух лидеров:

“*BFFS 4EV? As US-Russia relations frayed during the Obama era, Donald Trump publicly pursued a bromance with Vladimir Putin. Some of the ups and downs of Trump’s attempts to praise, woo, and play it cool with his would-be “new best friend”* (MJ July-August: 19).

Помимо эксплицитно выраженной оценки, заложенной в семантике лексических единиц, в новостных сообщениях широко практикуются различные способы импликаций. Так, например, использование кириллицы в написании названия журнала “*The Нью-Йоркер*” от 6 марта 2017 года подталкивает читателя к мысли о влиянии России на внутривнутриполитическую ситуацию в США.

Примечательна форма новостных сообщений о так называемом сговоре (collusion) Д. Трампа с Россией, когда тезис о тайном взаимодействии президентов подается как факт, не получающий при этом доказательного подкрепления. В сообщениях используются условные конструкции, наречия, сослагательное наклонение, сочетания с модальным значением вероятности, которые описывают предположения, а не факты. Таким образом, отличительной чертой современного новостного дискурса становится трансляция новостных сообщений с предположительной модальностью:

The path from Trump to Putin, if one exists, might be found in one of his foreign real-estate deals (NY August 21: 28).

THE TRUMP-RUSSIA SCANDAL is the subject of multiple investigations that may or may not unearth new revelations, but this much is already certain: Donald Trump is guilty (MJ July-August: 17).

Russians somehow hacked voting machines (which are not connected to the internet) or altered vote counts (NYT April 27: 59).

Explicit collusion may yet be proved by the fbi investigation overseen by special counsel Robert Mueller or by other ongoing probes. But even if it is not, a harsh verdict can be pronounced (MJ July-August: 18).

Важную роль в процессах смыслопорождения играют заголовки, с которыми пресса обращается к читательской аудитории. Вопросно-ответный формат заголовка подталкивает читателя к определенному восприятию содержания текста, стимулирует рефлексию и задает нужный вектор оценки:

*The Russian connection. **Collusion? Maybe** (MJ July-August: 17).*

***Active enablers? Definitely** (MJ July-August: 17).*

Немаловажен и пропозициональный характер высказываний: *What lay behind the Russian interference in the 2016 election – and what lies ahead?* (NY March 6: 42). В основе данного предложения лежит пропозиция о том, что вмешательство в выборы имело место в действительности.

Особого внимания заслуживает рассмотрение функциональных мотиваций страдательного залога, который оказывается весьма востребованной грамматической категорией для описания событий без уточняющих данных. В то время как активный залог призван сфокусировать внимание на деятеле, подразумевая четкую сферу ответственности, пассивный залог, напротив, позволяет оставить ответственность неуточнённой, при этом деятель может быть нематериальным, понятным из контекста или неизвестным. Например, в нижеследующем фрагменте вина за дискредитацию Хилари Клинтон возлагается на Россию без уточнения конкретных лиц и деятелей:

*While officials in the Obama Administration struggled with how to respond to the cyberattacks, it began to dawn on them that a torrent of “fake news” reports about Hillary Clinton **was being generated** in Russia and through social media—a phenomenon that was potentially far more damaging* (NY March 6: 52).

Функцию убеждения, воздействия на сознание реципиента выполняют слова и словосочетания, обозначающие анонимного деятеля – специалиста и / или эксперта, выражающего авторитетное мнение:

***All told**, Trump provided cover for a foreign government’s attempt to undermine American democracy* (MJ July-August: 18).

*By midsummer, **numerous cyber experts** had bolstered the conclusion that Russia was behind the hacks* (MJ July-August: 18).

***Private experts and US intelligence** had already determined that Russia had pulled off this caper* (MJ July-August: 18).

***Internet researchers and political operatives believe** that a substantial number of these bots were aligned with **individuals and organizations** supported, and sometimes funded, by the Kremlin* (NY March 6: 52).

***For many national security officials**, the e-mail hacks were part of a larger, and deeply troubling, picture* (FA March 6: 44).

*Trump-branded buildings in Toronto and the SoHo neighborhood of Manhattan were developed in association with **people who have connections to the Kremlin*** (NY August 21: 20).

Подобный способ представления событий маркирует анонимность деятелей, что позволяет уйти от обвинений во лжи, хотя и переводит сообщение в плоскость недосказанности.

Выводы

Таким образом, выбор языковых средств репрезентации актуальных событий в новостных сообщениях тесно связан с широким социокультурным контекстом, и языковые ресурсы несут идеологическую нагрузку, являясь средством конструирования социальной реальности.

На современном этапе становится возможным развитие новостей как «формы знания самого по себе, не зависящего от других дискурсов, для утверждений о мире» [Matheson 2000: 558]. При этом журналисты зачастую преподносят не факты, а мнения [Dentith 2017], о чем свидетельствует лингвистическое наполнение новостных информационных сообщений, которые характеризуются изменением содержательной структуры в сторону снижения их фактологичности.

Изобилие сообщений с предположительной модальностью для выражения желательности, вероятности или уверенности в достоверности того или иного события представляет собой пример стратегического использования языка. Функциональная мотивация выбора значимых лингвистических ресурсов на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях задает вектор интерпретации событий для читательской аудитории.

Анализ языковых средств, используемых для описания российско-американских отношений, выявил наличие эксплицитных и имплицитных средств оценки текущей ситуации, маркирующих политическое противостояние. Использование негативно-оценочных прилагательных, лексических единиц, выражающих номинацию конфликта, а также обилие имплицированных пропозиций и пресуппозиций, страдательного залога, вводно-модальных конструкций реализует приемы эмоционализации сообщения и служит для построения убеждающего дискурса и выражения субъективной оценки автора.

Литература

- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
- Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. М., 2012. № 1 (15). С. 18-37.
- Кирилина А.В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. М., 2013, № 1 (18). С. 36-45.
- Кузнецова Е.И.* Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды: автореф. дисс. ... док. философ. наук. Нижний Новгород, 2010. 55 с.
- Кузнецова Е.И.* Миф как социокультурный феномен в системе массовой коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 554-560.
- Лалетина А.О.* Языковое конструирование гендера в журналах об образе жизни (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 185 с.
- Androutsopoulos, J.* (ed.) (2014). *Mediatization and Sociolinguistic Change*. Berlin, Boston: de Gruyter. 557 p.
- Blommaert, J.* (2007). *Sociolinguistics and Discourse Analysis: Orders of Indexicality and Polycentricity*. *Journal of Multicultural Discourses*, Vol. 2, No. 2, 115-130.
- Blommaert, J.* (2010). *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press: NY. 230 p.
- Dentith, M R. X.* (2017). *The Problem of Fake News*. *Public Reason*, 8 (1-2), 65-79.
- De Vreese, C.* (2005). *The Spiral of Cynicism Reconsidered*. *European Journal of Communication*, Vol (20) 3, 283-301.

Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London and New York: Routledge. 186 p.

Fowler R. (1991). *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London: Routledge. 254 p.

Heller, M. (Ed.) (2007). *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave MacMillan. 384 p.

Kumaravadivelu, B. (2008). *Cultural Globalization and Language Education*. Yale University Press. 272 p.

Matheson, D. (2000). The Birth of News Discourse: Changes in News Language in British Newspapers, 1880–1930. *Media, Culture and Society*, 22 (5), 557-573.

Pennycook, A.D. (2010). *English and Globalization // The Routledge Companion to English Language Studies*, Routledge, London & New York, 113-121.

Pennycook, A.D. (2007). *Global Englishes and Transcultural Flows*. Routledge, London & New York. 189 p.

Reah, D. (1998). *The Language of Newspapers*. Routledge. 126 p.

Silverstein, M. (1979). *Language Structure and Linguistic Ideology / M. Silverstein*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 193-247.

Zotzmann, K. and O'Regan, J. (2016). *Critical Discourse Analysis and Identity*. The Routledge Handbook of Language and Identity. Routledge, 113-127.

ON LINGUISTIC REPRESENTATION OF CONTEMPORARY EVENTS IN THE NEWS

Anna V. Zhiganova

Associate Professor

Department of English Language and Professional Communication

Nizhny Novgorod State Linguistics University

31a Minina street, Nizhny Novgorod, 603155

ann-zhil@yandex.ru

According to recent sociolinguistic research, language represents a set of resources, the intentional choice of which serves as a way of expressing social meaning and transmitting attitudes, values, and bias. News discourse today is one of the most dynamic discursive practices that reflect the peculiarities of language as a means of ideological influence. The current study is aimed at identifying the specific features of language use adopted for representation of contemporary events in the English language newspaper and magazine news reports covering the US – Russia relations. The study is based on the understanding of discourse as a form of social action and the approach to language as a means of the social construction of reality. The linguistic analysis based on the methods of linguistic interpretation demonstrates the change of the formal content structure of informational reports. Hypothetical modality, lack of clarifying devices and abundance of unspecified phrases are characteristic features of modern “news stories”. The intentional structure of news reports manifests itself in the choice of syntactic, morphological and stylistic features which can either highlight specific

information or make it obscure. The use of explicit and implicit attitudes, the passive voice and various modal constructions helps send an emotional message, create persuasive discourse and express the ideological stance of the author.

Keywords: sociolinguistics, news discourse, the English language

References

Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: sistemny podhod k izucheniyu yazyka SMI: Sovremennaja angliyskaya mediarech' [Media linguistics: a systematic approach to the study of media language: Modern English media speech]. M.: Flinta: Nauka, 2008. 263 s. (In Russian)

Kirilina A.V., Gricenko E.S., Laletina A.O. Globalizaciya v aspekte lingvistiki [Linguistic aspects of globalization] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2012, № 1 (15). s. 18-37. (In Russian)

Kirilina A.V. Lingvofilosovskaya refleksiya v epohu globalizacii [The linguophilosophical reflexion in the age of globalization] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2013, № 1 (18). S. 36-45. (In Russian)

Kuznecova E.I. Medial'nost' i mediakul'tura kak faktory dinamiki social'noj sredy: [Mediality and media culture as factors of social environment dynamics]: avtoref. diss. ... dok. filosof. nauk. Nizhnij Novgorod, 2010. 55 s. (In Russian)

Kuznecova E.I. Mif kak sociokul'turny fenomen v sisteme massovoj kommunikacii [The myth as a sociocultural phenomenon in the system of mass communication] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. 2006, № 1. S. 554-560. (In Russian)

Laletina A.O. Jazykovoe konstruirovaniye gendera v zhurnalakh ob obraze zhizni (na materiale angliyskogo yazyka) [Linguistic construction of gender in magazine discourse (on the material of the English language)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2007. 185 s. (In Russian).

Androutsopoulos, J. (ed.) (2014). Mediatization and Sociolinguistic Change. Berlin, Boston: de Gruyter. 557 p.

Blommaert, J. (2007). Sociolinguistics and Discourse Analysis: Orders of Indexicality and Polycentricity. Journal of Multicultural Discourses, Vol. 2, No. 2, 115-130.

Blommaert, J. (2010). The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press: NY. 230 p.

Dentith, M R. X. (2017). The Problem of Fake News. Public Reason, 8 (1-2), 65-79.

De Vreese, C. (2005). The Spiral of Cynicism Reconsidered. European Journal of Communication, Vol (20) 3, 283-301.

Fairclough, N. (2006). Language and Globalization. London and New York: Routledge. 186 p.

Fowler R. (1991). Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge. 254 p.

Heller, M. (Ed.) (2007). Bilingualism: A Social Approach. London: Palgrave MacMillan. 384 p.

Kumaravadivelu, B. (2008). Cultural Globalization and Language Education. Yale University Press. 272 p.

Matheson, D. (2000). The Birth of News Discourse: Changes in News Language in British Newspapers, 1880–1930. *Media, Culture and Society*, 22 (5), 557-573.

Pennycook, A.D. (2010). English and Globalization // *The Routledge Companion to English Language Studies*, Routledge, London & New York, 113-121.

Pennycook, A.D. (2007). *Global Englishes and Transcultural Flows*. Routledge, London & New York. 189 p.

Reah, D. (1998). *The Language of Newspapers*. Routledge. 126 p.

Silverstein, M. (1979). Language Structure and Linguistic Ideology / M. Silverstein. Chicago: Chicago Linguistic Society, 193-247.

Zotzmann, K., O'Regan, J. (2016). Critical Discourse Analysis and Identity. *The Routledge Handbook of Language and Identity*. Routledge, 113-127.